

Глава 11. Цена молчания

[Лиза. Понедельник, 21 октября]

Три дня я ждала.

Фейковый Миша не писал. Просто замолчал — как будто его никогда не было. Майор сказал «не менять поведение», и я не меняла: заходила в Telegram, смотрела на аватарку с чужим лицом, ждала. Один раз написала «привет» — просто чтобы проверить, не удалил ли аккаунт. Сообщение прочиталось через две минуты. Ответа не было.

Тишина оказалась хуже угроз.

Угрозы я понимала. Они были конкретными — вот переписка, вот что я опубликую, вот что ты потеряешь. С ними можно было бороться, можно было бояться предметно. Тишина была другой. Тишина говорила: я жду. Я никуда не ушёл. Я просто жду.

Утром в понедельник я сидела на подоконнике в торце коридора второго этажа — там, где обычно собирались все четверо. Достала скетчбук. Не для рисунка — просто чтобы держать что-то в руках.

Карандаш сам начал двигаться.

Сначала — фигурка. Маленький человечек в пузыре. Вокруг — слова, которые он держит внутри: *стыдно, напугают, не поверят, хуже будет*. Пузырь всё больше. Человечек всё меньше.

Я смотрела на рисунок и думала: я рисую себя.

Восемь месяцев в прошлой школе я просидела в таком пузыре. Знала: если расскажу — они сделают хуже. Не рассказывала. Пузырь становился толще. Я становилась меньше. В конце я почти перестала разговаривать — даже дома, даже с бабушкой.

Родители перевели меня в новую школу и думали, что всё прошло.

Не прошло. Просто переехало вместе со мной.

— Лиз.

Даша появилась первой — как всегда. Сумка через плечо, куртка нараспашку — как будто бежала. За ней — Артём с ноутбуком под мышкой, Стас с бумажным стаканом кофе из автомата.

— Что рисуешь? — Даша заглянула в скетчбук.

Я закрыла его. Слишком быстро.

— Ничего. Просто так.

Артём устроился у окна, открыл ноутбук. Стас занял привычное место спиной к стене — он теперь всегда так садился, я заметила. Как будто ждал удара сзади.

— Майор написал в выходные, — сказала Даша, доставая телефон. — IP-запрос у провайдера затягивается. Говорит, ещё дней пять минимум.

— Пять дней — это вечность, — сказал Стас.

— Он также написал, что линия с фейковым Мишей пока тихая. — Даша посмотрела на меня. — Лиз, он тебе ничего не писал?

— Нет.

Слово вышло слишком коротким. Даша это услышала.

— Лиза.

— Нет, правда.

— Ты три дня какая-то...

— Какая?

Пауза.

— Ты молчишь, — сказала она просто.

Артём поднял голову от ноутбука. Стас перестал пить кофе.

Вот оно. Вот момент, который я три дня откладывала. Каждый раз находилась причина подождать ещё немного. Сначала: дождусь, пока он напишет снова. Потом: расскажу, когда будет что конкретное. Потом: не хочу их пугать. Потом просто: завтра.

Завтра становилось послезавтра. Послезавтра становилось понедельником.

— Он написал мне раньше, — сказала я. — До того, как Зайцев пришёл.

Тишина стала другой — внимательной.

— Когда?

— В пятницу, восемнадцатого. Пока вы были на встрече. — Я смотрела в скетчбук. — Я зашла за водой в буфет. Телефон лежал в кармане. Пришло сообщение.

— Что за сообщение? — тихо спросил Артём.

Я достала телефон. Нашла переписку. Протянула Даше.

Она прочитала молча. Потом передала Артёму. Он прочитал быстро — глаза двигались строчку за строчкой. Лицо осталось ровным, только чуть напряглась линия между бровями.

Стас тянул шею, но не брал телефон — ждал, пока сами расскажут.

— Он знает про прошлую школу, — сказала Даша. Не вопрос — констатация.

— Да.

— Про чат «Лиза-жиртрест».

Слова резанули — даже сейчас, даже в её устах. Я кивнула.

— Откуда? — спросил Артём.

— Не знаю. Я никому не рассказывала. Только бабушке. И родителям.

— Старая школа — другой город?

— Другая школа. Тридцать минут на автобусе.

Артём снова посмотрел в экран. Что-то набрал.

— Соцсети?

— Я удалила все аккаунты из той школы. После того как... — Я не закончила.

— Удалила.

— Удалила аккаунты — не значит удалила данные, — сказал он. Не грубо. Просто факт. — Если кто-то сохранил скриншоты, они живут своей жизнью. Независимо от тебя.

Я это знала. Знала — и всё равно каждый раз надеялась, что нет.

— Что он требует? — спросил Стас.

— Ничего конкретного. Написал: «Ты перестала отвечать. Значит, время вежливости закончилось. Я знаю, кем ты была. Хочешь, чтобы здесь узнали тоже? Тогда не мешай». — Я помолчала. — И всё. Больше ничего не писал.

— «Не мешай» — значит, ты ему мешаешь, — сказала Даша.

— Или хочет, чтобы я думала, что мешаю. — Артём закрыл ноутбук. — Это классическая схема. Максимально расплывчатая угроза — чтобы ты сама достраивала худший вариант. Конкретики нет, потому что конкретика даёт тебе что-то, с чем можно работать. А так — ты просто боишься.

— Я и боюсь.

— Я знаю. — Он сказал это без интонации, но без жёсткости тоже. — Это и есть цель. Пока ты боишься и молчишь — он может ничего не делать. Молчание работает на него бесплатно.

Я открыла скетчбук. Дорисовала пузырь вокруг человечка — сделала стенки толще.

— Три дня, — сказала я. — Я три дня молчала.

— Почему? — спросила Даша. Без упрёка. Просто спросила.

Почему. Я думала об этом всё утро, пока ехала в школу. Стояла в метро, держась за поручень, и пробовала ответить честно.

— Потому что если скажу — это станет настоящим. — Слова выходили медленно. — Пока молчу, это как будто только моя проблема. Маленькая. Внутри. Как только расскажу — она становится большой. Все знают. Все смотрят. И если он всё-таки опубликует — вы уже будете знать, что я... что я была такой. В той школе.

— Какой? — спросил Стас.

— Той, которую травил.

Тишина.

— Лиз, — Стас поставил стакан на подоконник. — Тебя травил — это не характеристика тебя. Это характеристика тех, кто травил.

Я смотрела на него. Стас Петров — самый популярный парень в классе, который две недели назад потерял пятьдесят тысяч рублей, потому что поверил боту. Который с тех пор не хвастался ни разу. Который теперь садится спиной к стене.

— Знаю, — сказала я. — Знаю головой. — Я прижала ладонь к груди. — Не всегда знаю вот здесь.

Даша взяла мой скетчбук. Посмотрела на рисунок — человек в пузыре, слова вокруг.

— Можно? — Она протянула руку за карандашом.

Я отдала.

Даша дорисовала две стрелки. Одну — снаружи внутрь. Подписала: *молчание*. Вторую — изнутри наружу. Подписала: *разговор*.

— Молчишь — всё копится внутри. Говоришь — выходит. — Она пожала плечами. — Всё.

Я смотрела на рисунок.

Артём кашлянул.

— Майору нужно рассказать. Это новые данные.

— Я понимаю.

— Сегодня.

— Я понимаю, Артём.

— Хорошо. — Он снова открыл ноутбук. — Потому что я тут кое-что нашёл в выходные. И мне нужно, чтобы вы это видели.

Он развернул экран.

На нём была таблица. Много строк.

Артём объяснял тихо и быстро — так он говорил, когда сам ещё не до конца понимал, что нашёл.

— Я анализировал паттерны. Из логов Зайцева. Время входов в систему, IP-диапазоны, совпадения с датами атак. И параллельно — публичные данные. Жалобы в школьных пабликах ВК, анонимные посты в местных чатах, удалённые сообщения, которые успели заскринить.

— И? — спросила Даша.

— Нас четверо. — Он кивнул на каждого. — Плюс Катя. Плюс Лена Соколова. Это шесть человек, о которых мы знаем. — Пауза. — Я нашёл ещё пятнадцать.

Стас поперхнулся кофе.

— Сколько?

— Пятнадцать. Возможно больше — это только те, у кого есть публичный след. Анонимные жалобы, удалённые посты, один раз — сообщение в школьном чате, которое исчезло через десять минут, но кто-то успел сохранить. Схема одна: сначала личный контакт через бота или фейковый аккаунт, потом сбор данных, потом тишина или угроза.

— Пятнадцать человек молчат, — медленно сказала Даша.

— Молчат. Потому что боятся. — Артём посмотрел на меня — не специально, просто взгляд. — Или стыдятся. Или думают, что это только их проблема.

Я смотрела на свой рисунок в скетчбуке. Пятнадцать человечков в пятнадцати пузырях.

— Призрак точно знает, как давить, — сказал Артём тихо, почти себе. — Будто сам через это проходил.

Никто не ответил. Фраза повисла и растворилась.

— Нам нужны их имена, — сказала Даша.

— Не все захотят. — Артём закрыл таблицу. — Большинство не захотят.

— Тогда нужно, чтобы хотя бы один захотел. Первый. — Она посмотрела на меня. — Ты уже захотела.

Я думала о пятнадцати людях, которые три дня — или три недели, или три месяца — ждали в тишине. Думала о том, как молчание становится толще. Как человек внутри становится меньше.

— Есть ещё одна вещь, — сказал Артём. Голос стал чуть осторожнее. — Одно имя в списке я узнал.

— Чьё?

Он помолчал секунду.

— Вика Морозова.
